

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Разработка серийного оформления
О. Закис

Иллюстрация на обложке
И. Косулиной

Ефиминюк, Марина Владимировна.

Е91 Наследница / Марина Ефиминюк. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-162572-6

В ночь, когда умер глава дома Вишневыких, его дочь, единственная наследница огромного состояния, исчезла. Ее считали погибшей, но Анна вернулась, да еще и с женихом, красавцем Владиславом Горским. О наследнице снова пишут газетные листы и судачат сплетницы. Однако никто не догадывается, что скрывается за возвращением Анны. Никто и не подозревает, что она умеет видеть чужие воспоминания, при этом почти не осталось своих. Анна надеется, что необычный талант поможет ей разобраться в прошлом, узнать, своей ли смертью умер отец, какие секреты хранят родственники и что же такого жуткого случилось в прошлом, что его теперь так страшно вспоминать?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162572-6

© Ефиминюк М., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Глава 1

КОЕ-КТО ИЗ ПРОШЛОГО

«...Как утверждает лекарь, потеря памяти у Анны связана исключительно с душевным состоянием, а не с физической травмой. Конечно, она все чаще узнает места, где бывала раньше, вспоминает сцены из детства, но большая часть прошлого остается стертой. К сожалеению, дар Анны блокирует магию, и мы не можем воспользоваться колдовскими средствами, чтобы окончательно пробудить ее сознание. Я не берусь предполагать, сколько потребуется времени, чтобы она восстановила память самостоятельно, и сейчас, когда неожиданно скончался ее отец, полностью поддерживаю ваш план увезти ее в безопасное место. Я разделяю ваши опасения в том, что стоит семье Вишневских узнать о болезни, как Анну немедленно закроют в пансионате для душевнобольных и лишат права наследования. От этих людей можно ожидать чего угодно. Посему в память о суниме Валентине я готова оказать всяческую поддержку в этом деликатном деле...»

Из письма Глэдис, секретаря покойного Валентина Вишневецкого, к Кастану С., судебному заступнику и лучшему другу Анны Вишневецкой.

Я обвела неухоженный двор долгим взглядом. Ладный одноэтажный домик с остроконечной черепичной крышей, ряд пустых цветочных горшков у облицованной неровными камнями стены, куст черемухи у кованой ограды, деревянный лежак, заваленный стегаными одеялами из лоскутов. Холодный воздух наполнял хмельной аромат черемуховых соцветий, и он начинал густеть, лишь только затихал ветер.

Это место, пахнущее хмельно и сладко, было важным для меня? Иначе для чего бы в прошлом мне сюда приходиться и делать гравюры?

Я вытянула в руке плотную карточку с собственным портретом, подкрашенную водянистыми чернилами. Несмотря на то что по краю гравюры шел похожий на шрам излом, а от него по глянцевой поверхности разбегались трещинки, легко угадывалось, что деревянная оконная решетка и рыжий дождевой желоб были теми же самыми, что и на доме. Не возникало никаких сомнений, что неизвестный гравер запечатлел меня в этом самом дворе.

Но почему мне удалось вспомнить дорогу сюда, но само место — никак не выходило? От досады хотелось по-детски затопать ногами.

Спрятав гравюру в ридикюль, я прошла по выложенной мелкими плитками дорожке и остановилась под жестяным козырьком. Однако едва моя рука потянулась

к медному, подернутому зеленоватой патиной молотку, как дверь сама собой провалилась в глубь дома, обнажив черный зев. Из темного нутра на улицу выскочил высокий всклокоченный тип в белых подштанниках и в мятом камзоле, надетом аккурат на голое тело.

Застав на пороге неожиданную гостью, мужчина остолбенел, выразительно моргнул рыжеватыми ресницами.

— Калитка была открыта... — пролепетала я и, как последняя дура, уставилась на бледный торс и полоску волос на впалом животе, убегающую за пояс исподне-го, вышитого трогательными незабудками. Опомнив-шись, мужчина резко запахнул полы камзола и попы-тался одернуть подол, точно стеснительная девица, обнаружившая на пороге опочивальни известного со-блазнителя.

Я отвернулась, давая хозяину дома возможность привести себя в относительный порядок. Хотя бы за-стегнуться, раз натянуть штаны все равно было невоз-можным.

— Прости, Анна, я не ожидал тебя здесь увидеть... — бормотал он. — Сказать честно, я вообще здесь никого не рассчитывал увидеть...

Наплевав на приличия, я резко повернула голову.

— Вы меня знаете?

— А? — У мужчины открылся рот.

— Мы знакомы?

— Ты... Эм... — замялся он и перешел на формаль-ное обращение, видимо, восприняв мое удивление за высокомерие: — Вы меня не помните?

Не помните? Сакраментальный вопрос, уже содержащий ответ, почему я оказалась в доме, которого не помнила, и не узнавала лица человека, с кем, по видимости, прежде встречалась. Около трех месяцев назад со мной произошел несчастный случай, и я потеряла память. В голове сохранились лишь обрывки из прошлого, мелкие, незначительные, похожие на выдранные и расплзшиеся лоскуты полотна. Конечно, клоки из воспоминаний ширились, превращаясь в полоски, но все равно пока не удавалось сшить их воедино.

— Я Генри. Мы встречались несколько раз. — Он нервно улынулся, на худой шее дернулся выпирающий кадык. — Очевидно, у меня не такое запоминающееся лицо, как мне нравится думать.

Не дождавшись от меня никакой реакции на неловкую шутку, мужчина уточнил:

— Он меня пустил пожить.

— Кто? — озадачилась я, надеясь, что странный Генри, измученный похмельем, если судить по запаху перегоревшего спиртного, идущего от него, не примет меня за особу еще более безумную, чем он сам.

— В смысле, кто? — Он недоуменно моргнул. — Влад.

Знакомое до боли имя словно ударило в солнечное сплетение. Сердце глухо заухало в ребра. В голове закружились слова.

Лицо этого мужчины пряталось в тумане, как многое из моего прошлого, но даже от звука его имени

грудь сдавливало горячим кольцом. Кем он был для меня?

— Он дома? — Спросила тихо, стараясь не выдавать волнения. — *Влад.*

Руки зудели от желания дотронуться до лица Генри, но испугать его не хотелось бы. Я обладала магическим даром и при прикосновении к человеку могла увидеть общие воспоминания. Безусловно, короткие вспышки походили на фразы, вырванные из контекста длинного рассказа, иногда выворачивали наизнанку самые невинные события, но именно этот странный для нормального человека талант помог мне не свихнуться в мире незнакомых лиц и потерянных событий.

— Его нет. — Генри покосился в сумрачную глубину дома и быстро облизнул сухие губы. — Войдете?

Мне отчаянно хотелось пройти в комнаты, но здравый смысл подсказывал, что без дуэньи в доме с незнакомым мужчиной, способным оказаться каким угодно мерзавцем, находиться было опасно.

Я собралась отказаться, как в тишине громыхнула кованая калитка. Мы резко оглянулись на лязгающий звук. Во двор входил мужчина в дорогом костюме. Увидев нас с Генри, стоявших на пороге дома, он остановился, надел на лицо ледяную маску.

Сердце сжалось, отзываясь на его появление.

Владислав.

Даже если бы в кармане старого уличного платья не нашлась гравюра, не вспомнилась дорога в этот дом, если бы мы просто столкнулись на улице, случайно скрестились взглядами, я бы узнала его. Нашла бы в

толпе, отыскала в комнате, полной народа. Наверное, подобные чувства испытывали люди, блуждавшие в тумане и вдруг увидевшие разрезавший завесу луч света: ошеломительный восторг.

Мы встретились глазами и, словно ослепнув, я сорвалась с места. Он не сделал навстречу мне даже крошечного шага, следил за стремительным приближением. Я остановилась от него в полушаге.

— Вы Владислав? Так ведь? — от волнения сел голос. — Вы меня помните? Я Анна.

Он молчал. В каре-зеленых знакомых глазах застыл лед.

— Посмотрите, сегодня я нашла в кармане дорожного платья. — Я поспешно вытащила из ридикюля измятую гравюру и продемонстрировала мужчине. — Ведь этот оттиск был сделан именно здесь? На фоне вашего дома?

Безразличный взгляд скользнул по карточке, вернулся обратно. Никакой реакции.

— Скажите, мы были знакомы? — теряя надежду, пробормотала я.

Словно не слыша меня, он посмотрел поверх моей макушки в сторону Генри, и тот без споров и лишних вопросов, словно услышав мысленный приказ, скрылся в доме. Мы остались тет-а-тет.

— Забыла? — вымолвил Влад. Святые Угодники, даже его голос, мягкий, с вкрадчивыми интонациями, заставлял екать сердце.

— Могу я к вам прикоснуться? — уклонилась я от ответа.

— Нет.

— Мне правда очень жаль, но...

В следующий момент моя влажная от волнения ладонь легла на гладко выбритую щеку мужчины. Прежде чем меня накрыло наше общее воспоминание, я успела заметить, как на секунду холод его глаз сменился смехом.

...Влад нависал надо мной, обнаженный, с каплями пота на рельефном торсе. Резко выделялись ключицы, мускулы на руках были напряжены. Лицо казалось сосредоточенным, а глаза — отсутствующими. Он тяжело дышал, как после долгого бега...

Словно обжегшись, я отдернула руку и мигом из душевной спальни вернулась в наполненный запахом черемухи двор. Становилось очевидным, что видение говорило о физической близости.

— Мы с вами... — Это было ужасно странно, но впервые за много месяцев у меня закончились слова.

Я уже не девственница?

Владислав вопросительно изогнул брови, и на страшное мгновение показалось, будто я озвучила мысль, больше походившую на претензию, вслух.

— У нас были... отношения? — наконец сумела я обличить вопрос в самую безопасную форму.

— Отношения? — Он иронично улыбнулся.

— Насколько мы были близки?

— Экипаж дожидается тебя? — Влад кивнул в сторону ворот, где сквозь кованые прутья виднелась улица и дорогая карета с поджидавшим меня кучером.

— Да.

— Превосходно, — пробормотал он, словно самому себе, и, сжав мой локоть, повел к калитке.

— Что ты... вы делаете? — Я попыталась освободиться, упиралась ногами, точно упрямый осел, но все равно оказалось силком приволоченной к экипажу.

— Нима Вишневецкая уже уезжает, — объявил кучеру Влад.

— Почему вы не хотите ответить мне? — С недоумением я разглядывала непроницаемое лицо. Он крепко держал меня за локоть, и от его пальцев через тонкую ткань по руке растекалось тепло.

Что в прошлом я любила в этом холодном человеке с удивительно горячими руками?

Возница открыл дверь, выказывая шикарный салон и удобные сиденья с мягкими спинками, разложил ступеньку.

— Забирайся, — последовал категоричный приказ.

— Пойдите, Влад. — Я схватила его за руку, меня лихорадило. — Просто ответьте мне.

— Покопайся в памяти.

— Проклятье, я не могу! — выйдя из себя и забыв об осторожности, воскликнула я. — Я страдаю потерей этой самой памяти! Вы первый человек, которого я узнала сама, без чужих подсказок! Неужели я бы стала задавать нелепые вопросы, если бы помнила о нас с вами?!

Последовала долгая-долгая пауза. Лицо Влада осталось непроницаемым, а глаза — пустыми. Мне не удавалось угадать реакцию на признание.

— Доброго пути, Анна, — тихо произнес он. — Все к лучшему, что ты меня забыла. Надеюсь, что ты больше не сделаешь такой глупости и не приедешь сюда.

Мужчина развернулся и твердым шагом направился обратно к калитке.

— Я приеду завтра! — заявила я ему в спину, впрочем, не заставив помедлить или хотя бы оглянуться. — Я буду приезжать каждый день, пока не пойму, что нас связывало!

Он нарочито громыхнул калиткой, вспугнув ворону, сидевшую на маковке уличного фонаря.

* * *

В окне кареты проплывали дремотные деревенские пейзажи. Тонкая долька солнца практически скрылась за горизонтом, и последние лучи окрашивали перистые облака в розоватый цвет. Вечер плавно опускался на сонный городок в получасе езды от городских ворот. Экипаж покачивался по укатанной дороге.

...Сливочный пудинг, золотая монета, гравират¹, Искра, любовники.

В моей голове крутились сотни слов, обрывки фраз, смутные образы, но, как я ни собирала их вместе, они не сходились в единую картину.

...Кофей, каштановые волосы, каре-зеленые глаза, кристалл.

¹ Г р а в и р а т — устройство для получения и гравировки неподвижных изображений материальных объектов на слюдяной пластине при помощи магического кристалла.

Золотое перо скользило по чистой странице блокнота, мелкими жемчужными бусами рассыпались буквы, написанные твердым, совсем не женским почерком.

Мост, огни, замок, дворец, ледяная вишня...

— Анна!

Рука дрогнула. Чернильным шрамом до края прочертилась кривая линия.

Отрываясь от чистописания, я подняла голову. По парковой дорожке, разрисованной солнечной мозаикой, в мою сторону торопилась среднего роста нима, спрятанная в глухо застегнутое до самого подбородка коричневое платье. Это она рассказала о том, что в ночь, когда меня выловили из Эльбы¹, от кровоизлияния в мозг скончался Валентин Вишневецкий, мой отец. Я читала о нем в листовке от какого-то газетного листа и не испытывала никаких эмоций, точно узнала о смерти незнакомца, а не человека, подарившего мне жизнь.

— Глэдис. — Я помахала рукой и закрыла блокнот, пряча бесконечные шеренги бессвязных слов.

— Нима Анна, как вы себя чувствуете? — Она присела на скамью рядом со мной. От нее никогда не пахло сладкими благовониями, как, например, от помощницы профессора.

— Терпимо.

— Вы выглядите бледной.

— Я плохо спала, — призналась я. Было так сложно цепляться за сознание, когда голову окутывал липкий туман.

¹ Эльба — название реки, разделяющей город Алмерия на две равные доли, восточную и западную.

...Полевые цветы, горячие руки, боль.

Мой беспокойный взгляд остановился на мрачном здании лечебницы с башней, похожей на пожарную каланчу.

— Разве Кастан не приехал с тобой?

Кастан Стомма, красивый, светловолосый мужчина с меланхоличным воспоминанием о том, как мы, стараемся не замечать пронзительно-ледяного ветра, стояли на мосту и прямо из бутылки пили ледяное игристое вино со вкусом вишни, что, конечно же, совершенно не пристало благородной ниме Вишневецкой.

Позже он расшифровал видение. В тот день на Тюремной площади повесили его клиента, и таким нехитрым образом я пыталась поддержать провалившегося судебного заступника.

— Он делает последние распоряжения. — Глэдис пожала мне руку. Ее пальцы всегда были холодные, влажные, с аккуратно подпиленными круглыми ноготками. — Больше не придется врать, что вы не хотите видеть родственников, Анна. Мы нашли убежище. У вас будет время все вспомнить.

— Спасибо, Глэдис.

Мне так хотелось спрятаться, но не на земле среди людей, а в мире, где воспоминания не играли важной роли, зато бесконечно светило солнце и по заливным лугам прыгали розовые пони. Ради кого мне стоило оставаться в рассудке?

Гравюра, стена, оконная решетка, стон, вздох, всхлип... Владислав Горский.

— Нима, мы приехали!

Разбуженная неожиданным окликом я открыла глаза и, плохо соображая, выглянула в окошко. Экипаж стоял напротив настежь раскрытых ворот в двухэтажный особнячок, собранный из неровного камня и с узкими цветочными горшками на подоконниках. Половину тесного двора занимала карета, принадлежащая Кастану Стомме.

Подходя к веранде, я заметила, как на первом этаже шевельнулась занавеска, и даже не успела постучать молоточком, как дверь распахнулась, и на пороге возникла Глэдис. Судя по складочкам, залегшим в уголках губ, она пребывала в праведном гневе из-за моего побега.

— Нима Анна, как вы посмели уехать и ничего мне не сказать! — тихо высказалась Глэдис с металлом в голосе. — Хотя бы представляете, как сильно я волновалась?

В голову пришло, что по дороге стоило купить засахаренных орешков и шариков ягодного сахара. Ворчунья обожала сладкое и всегда меняла гнев на милости при виде кульков с гостинцами.

— Извини, Глэдис.

— Разве было сложно оставить простую записку?

— Я слишком торопилась.

Гравюру я случайно нашла в кармане старого дорожного платья, лежавшего в холщовой сумке со времен побега из лекарского пансионата. Оказалось достаточно одного мимолетного взгляда на карточку, чтобы отыскать в голове ответ, где именно находился

дом. Неожиданно и легко вернувшееся воспоминание меня ошеломило. Через пару часов я стояла перед домом с гравюры в старой части города и даже не подозревала, что обнаружила кров человека, чье имя преследовало меня с самого пробуждения после несчастного случая.

— Вы торопились настолько, что забыли надеть следящий кристалл? — буркнула Глэдис.

Моя рука взметнулась к шее, но подвески с магическим камнем не оказалось. Впопыхах я нарушила абсолютно все правила, установленные ради моей безопасности. Тут мне стало по-настоящему стыдно.

После несчастного случая я плохо ориентировалась в пространстве, иногда путала право и лево и могла заблудиться, просто выйдя на прогулку до реки. Тогда Кастан привез украшение со следящим кристаллом, созданное знакомым ему магом, и дуэнья в любой момент по карте, специально приколоченной к стене, могла определить, где я нахожусь.

— Мне правда жаль, Глэдис, — отозвалась я и тут же указала пальцем в глубь дома. — Ты же не оставишь меня спать на улице, правда?

Она пропустила меня в холл.

— Суним Стомма дожидается вас в гостиной уже три часа! — отрезала она. — Какие у вас могут быть дела, что вы уехали на целый день? Я думала, что с ума сойду от беспокойства!

— Так, может, не надо было его вызывать? — прошептала я.

Глэдис демонстративно цыкнула, развернулась на каблуках и, чеканя каждый шаг, направилась в сторону кухни.

— Не дуйся, Глэдис! — бросила я ей спину.

— Ужин в восемь! — Дуэнья не оглянулась. — Сейчас принесу чай!

Когда я вошла в гостиную, то обнаружила Кастана стоявшим у моей письменной доски. С непроницаемым видом он просматривал неосторожно оставленный мною блокнот, куда я записывала бесконечные слова и фразы, заполонявшие сознание. Точно назойливые пчелы, они гудели в голове и не затихали, пока не оказывались переложенными на бумагу.

Я тихонечко кашлянула, давая знать о своем появлении, и мужчина оглянулся в мою сторону. Не знаю, кто из нас испытывал большую неловкость: Кастан, из-за того что залез в чужой дневник, или я, из-за того что страницы этого самого дневника вместо записанных воспоминаний занимала нечитабельная абракадабра.

— Подозреваю, что на уроках словесности у меня были отличные отметки, — нервически пошутила я. — Иначе, откуда у меня такой богатый словарный запас? Наверняка я уже переплюнула составителя Большого Алмерийского словаря.

Мы одновременно посмотрели в сторону книжного шкафа, где на верхней полке тесно прижимались кожаными боками разноцветные блокноты, исписанные мною после побега.

— Уверен, что по сравнению с тобой он школяр, — подхватил шутку Кастан и протянул руки для приветствия.

Я сжала его теплые большие ладони влажными пальцами. Мне сколько угодно можно было трогать руки, но обрывки общих воспоминаний вспыхивали в голове только при прикосновении к лицу. Видимо, в прошлом я тщательно скрывала и контролировала проявления дара. Возможно, считала его изъясном.

— Тебе не стоило приезжать по первому требованию Глэдис, — произнесла я. — Наверняка ты сейчас сильно занят.

— Куда ты ездила? — перебил он.

— В газетных листах говорят, что твоему брату предложили должность мэра в Гнездиче?¹ — сделав вид, что не услышала вопроса, учтивым тоном продолжила я. — Ты тоже думаешь переехать в провинцию?

— Не пытайся вести со мной светские беседы, — отрезал Кастан. — Я понимаю, что ты заговариваешь мне зубы.

— Мне не нравится, что ты приехал только для того, чтобы устроить мне разнос за рассеянность. — Я театрально приложила руку к груди: — Обещаю, что теперь не стану снимать следящий кристалл даже в умывальне.

На некоторое время мы замолчали.

¹ Гнездич — второй по величине город Алмерии, его называют культурной столицей королевства, что не мешает столичным снобам называть его жителей «провинциалами». Действие романа «Бесстрашная» разворачивается в Гнездиче.

— Я приехал не из-за Глэдис. Твоя мачеха подала Его Высочеству прошение о том, чтобы тебя признали погибшей, — без предисловий и подготовок вдруг огорошил меня Кастан, словно ему было столь невыносимо тащить груз дурной вести, что он не желал, но все равно его выронил. — Мне искренне жаль, но времени больше не осталось. Через три месяца пройдет официальное оглашение завещания, и ты должна воскреснуть, Анна, пока они не оставили тебя с одной парой туфель.

Новость обрушилась на меня, как ледяной водопад, подмяла под себя. В голове, как проклятые, закружились бессмысленные слова.

...Плющ, оконная решетка, чердак, клавишины, огонь.

— Мы знали, что этот день когда-нибудь наступит. Так ведь? — Я надеялась, что сумела скрыть, сколь пугающей казалась мне перспектива столкнуться нос к носу с реальностью. Виски ломило.

Я резко выдохнула, пытаясь потушить мысленную речевую карусель, возникавшую во время любого нервного напряжения.

— Все нормально, я справлюсь. Ты же видишь, что мне гораздо лучше. По крайней мере, я знаю родственников по гравюрам и не перепутаю имен.

...Синий бархат, фарфоровое лицо, серебристая пыль.

Кастан нахмурился, словно услышал мое мысленное жонглирование фразами. Невольно я проследила за его задумчивым взглядом и осознала, что он рассматривал мои руки. Сама того не подозревая, я до крови расковыряла на большом пальце заусенец.

— У меня есть к тебе просьба, — после долгого молчания произнесла я. — Я хочу, чтобы ты собрал досье на одного человека. Возможно, ты его даже вспомнишь. Его зовут Владислав Горский.

В тишине, обрушившейся на комнату, раздался оглушительный грохот бьющейся посуды. Мы резко оглянулись. Прижимая руки ко рту, в дверях застыла испуганная Глэдис, у нее под ногами валялись серебряный поднос и черепки чайного сервиза. По наборному паркету растекалась лужа.

— Простите, — пробормотала Глэдис и поспешно принялась собирать осколки.

— Я помогу, — предложила я, стараясь не задумываться о том, почему при упоминании имени Владислава у моего близкого друга вытянулось лицо. В том, что мои опекуны его знали, не оставалось никаких сомнений.

Некоторое время единодушное молчание нарушал лишь звон осколков, складываемых на зеркальную поверхность подноса.

— Расскажите, почему имя Владислава Горского испугало вас? — сидя на корточках, тихо произнесла я и посмотрела на Кастана. — Что меня связывало с ним?

— Ты встречалась с сунимом Горским? — сдержанно отозвался судебный заступник.

— Случайно. Я вспомнила, где находится его дом, но не ожидала там застать хозяина. Влад сделал вид, что мы почти незнакомы.

Неожиданно Стомма усмехнулся какой-то непонятной мысли и спросил:

— Что ты хочешь знать о нем?

— Все. — Я помогла Глэдис поднять поднос с расколоченным сервизом. — Я хочу знать о нем все.

— А если его досье окажется полным неприятных сюрпризов?

— Ну, я же не могу исправить прошлое? — дернула я плечом.

Кастан уехал от нас, когда за окном густела ночь и улицы тихого поселка, не знакомые с магическим освещением, утонули в беспросветной темноте. Сидя перед зеркалом, я следила, как Глэдис терпеливо расчесывала мои длинные волосы. От яркого блеска магического кристалла казалось, будто вокруг головы светился нимб.

— Почему ты никогда не рассказывала мне о нем? — спросила я, рассматривая дуэнью сквозь отражение. Глэдис тут же догадалась, что речь идет о Владе. На мгновение расческа замерла в воздухе, а потом снова длинные острые зубцы прошли по золотой волне.

— Мне почти ничего не известно о том мужчине, но знаю, что вы сильно ссорились с сунимом Вишневским из-за него. Владислав Горский ему совершенно не нравился, но вы не слышали никаких увещаний...

Она резко осеклась, вскинулась. Наши взгляды встретились, и в лице Глэдис вспыхнуло понимание, что еще минуту назад я не догадывалась о том, кем на самом деле являлся для меня Влад.

— Наш роман закончился плохо?

Дуэнья помолчала, а потом все-таки призналась:

— Насколько я понимаю, он и не заканчивался. Вы забыли сунима Горского, как и всех остальных.

Я схватилась за влажный от утренней росы молоточек на двери в дом Владислава Горского, но постучаться решила не сразу. Звук вышел глухим, негостеприимным, и на него никто не вышел. Я ударила молотком еще, уже настойчивее и смелее, так, чтобы хозяева услышали меня даже в дальних кладовках. И снова тишина в ответ.

Не придумав ничего лучше, я вытащила из ридикюля блокнот и быстро накарябала:

«Дайте шанс вас вспомнить. Мой адрес... Анна».

Выдрав листок, я сложила его вчетверо и воткнула в дверь, но уходить не торопилась. Ради несостоявшегося свидания с прошлым мне пришлось два часа протрястись в карете и хотелось хотя бы спокойно рассмотреть двор. Вдруг что-нибудь вспомнится?

Присев на краешек деревянного лежака, откуда на ночь кто-то убрал одеяла, я окинула старый дом долгим взглядом. В нем явно жили люди скромного достатка. Не поэтому ли мы ссорились с отцом? Хотя из разговоров с Глэдис у меня сложилось впечатление, что он снобом не был, да и Ева, его вторая жена, до замужества определенно не принадлежала к высшему обществу и титулов не носила, а работала дуэньей. Если быть точнее, моей дуэньей.

Неожиданно в тишине раздался звук открываемой двери, и у меня екнуло сердце. Записка слетела на пол, и на нее немедленно наступила начищенная до блеска туфля. Замерев, я следила за тем, как Влад нагнулся и,

недоуменно нахмурившись, поднял послание. Секундой позже его взгляд остановился на мне и похолодел. Начиная краснеть, как робкая институтка, я сжала в руках ридикюль и медленно поднялась.

— Здравствуйте, — мой несмелый голос точно прозвучал со стороны.

— Что мне нужно сделать, чтобы ты перестала сюда приезжать? — резко спросил он.

— Я же обещала, что буду появляться здесь каждый день, пока не вспомню.

Ничего не ответив, Влад решительным шагом направился к воротам. Он оставлял меня один на один с запертым домом!

— Простите, что я забыла вас! — громко вымолвила я ему в спину, и Горский резко остановился, точно ударился в невидимую стену. — Простите, что до сих пор не могу вас вспомнить! Наверное, для вас было шоком, когда я сначала пропала и вдруг появилась три месяца спустя. Вот так, как ни в чем не бывало. Простите, что мне никто не рассказал о вас, а я не спрашивала, хотя ваше имя снова и снова всплывало у меня в голове.

Он сунул руки в карманы, развернулся. В его лице неожиданно светилось высокомерие.

— Если вы поможете мне, расскажете о том, что между нами было. Я уверена, что смогу вспомнить.

— Вспомнить? — Влад нехорошо усмехнулся и стал медленно приближаться ко мне.

В душе шевельнулось нехорошее предчувствие. Он подошел так близко, что я невольно попятилась и со

всего маху неловко уселась на лежак. Положение человека, смотревшего на собеседника снизу вверх, делало меня уязвимой.

Он склонился, и наши глаза оказались на одном уровне.

— Что ты хочешь обо мне вспомнить?

— Мы любили друг друга? — Я для чего-то прижала сумку к груди, как щит, подсознательно пытаюсь отгородиться от нависавшего надо мной мужчины.

— Мы? — Он высокомерно усмехнулся. — Точно нет.

— Лжец.

— Но ты ведь это не можешь знать наверняка, так ведь, Анна?

— Но ведь я могу и проверить...

Секундой позже моя ладонь легла ему на щеку, и за миг перед тем, как утонуть в нашем общем видении, я успела заметить, как обжигающий лед его глаз неожиданно потеплел.

...Петля заколдованного замка щелкает в гнезде, и темноту разрезает голубоватая вспышка. Это огромное нахальство повесить круглый навесной замок на перила Королевского моста, откуда, как на ладони, виден Алмерийский дворец, но я уверена, что Его Высочество простит мне хулиганство. Принц испытывает ко мне слабость и прощает все, даже возмутительную дерзость.

— Ты знаешь, что его невозможно снять? Не боишься так сильно рисковать? — Влад смотрит со снисходительной улыбкой.

Он не разделяет удушающего сумасшествия, охватывающего меня. Он всегда раздражающе спокоен и собран, а мою грудь разрывает от kloкочущих внутри чувств. Кажется, я даже не могу улыбаться.

Пытаюсь пальцами обхватить запястье Влада, но рука слишком мала, чтобы обвить его полностью, как кольцом. Разрыв выглядит тревожно. Искать во всем знаки — это признак любви?

— Я хочу стать твоим замком, — шепчу я...

Убрав руку от лица Влада, я вернулась в реальность. Густое и насыщенное воспоминание кружило голову, как крепкое вино, и впервые за много времени в ней не осталось места ни для одного проклятого слова.

— Не веди себя как мерзавец. Ты не такой, — прошептала я. — Я уверена, что не смогла бы влюбиться в мерзавца.

— Ты слишком мало знаешь о самой себе. — С короткой улыбкой он протянул мне зажатый между пальцами сложенный листочек с адресом. — Прощай, Анна.

Влад ушел, оставив меня наедине с украденным воспоминанием и старым домом с темными окнами. Прежде чем уйти, я настырно вернула записку на место.

* * *

На три дня столицу и пригород накрыло серыми низкими тучами. Окрестности маленького особняка омывал дождь, стучал по крыше, змеился по оконным стеклам. Ветер гнул и трепал деревья, и со второго

этажа было видно, как косые потоки ливня, бьющие по фермерским полям, от каждого порыва подергивались видимыми невооруженным глазом волнами. И как только серая хмарь истончилась, в прорехах показались несмелые солнечные лучи, а грязь на размытых глинистых дорогах стала подсыхать, у нашего дома остановилась незнакомая карета.

Не веря собственным глазам, я припала к окну, и когда дверца открылась, то, сама того не желая, задержала дыхание. Однако из экипажа появился смутно знакомый тип, высокий и худой, в недурственном камзоле и в высоких сапогах.

— Генри? — игнорируя сжавшееся от разочарования беспардонное сердце, припомнила я приятеля, живущего в доме Владислава.

Он сильно удивился, когда увидел на пороге меня, и вместо приветствия брякнул:

— А лакей?

— У нас нет лакея, — для чего-то оповестила я, вдруг остро почувствовав пустоту особняка, ведь, едва распогодилось, Глэдис отправилась в город. — Что вас привело к нам?

Генри покосился на притолоку, где поблескивал вживленный в дерево магический амулет, не пускающий в дом неожиданных гостей. Насколько мне было известно, подобный кристалл стоил баснословных денег, но Кастан настоял на магических рамках ради нашей с Глэдис безопасности. Понимая, что без приглашения войти все равно не сможет, гость прочистил горло и объявил:

— Откровенно говоря, я здесь в качестве посыльного.

Он протянул знакомый сложенный вчетверо листочек, и у меня загромыхало сердце. Я схватила записку, развернула и с жадностью прочитала короткое послание, оставленное сразу под моим письмом.

«Я жду тебя».

— Почему Влад не приехал сам? — подняла я глаза от записки.

— Вы исчезли, забыв с ним попрощаться, так что будьте к нему чуточку снисходительнее, Анна.

— Мне надо переодеться, — решила я на поездку. — Вы можете подождать в доме.

— Не переживайте о моем комфорте, я вполне способен посидеть в экипаже, — церемонно отказался от приглашения Генри и указал большим пальцем назад, намекая на заляпанную грязью карету.

Застегивать бесконечный пуговичный ряд, пудрить лицо, накладывать на губы розовую помазулю тонкой кисточкой нервными, нетерпеливыми руками было страсть как неудобно. Закончив со сборами, я остановилась у высокого зеркала. Из отражения на меня смотрела ярко накрашенная высокородная дама в дорогом бархатном платье и с несуразной маленькой шляпкой, приколотой к светлым волосам.

...Нелепая, смешная, претенциозная.

Разозлившись, я сорвала головной убор, вылезла из вычурного наряда, смыла краску с лица, надела простое дорожное платье. Вернулась из коридора, чтобы нацепить следящий кристалл, на столике в холле

оставила письмо для Глэдис и вышла из дверей. К моему огромному удивлению, золотые карманные часы с острыми стрелками показали, что сборы заняли всего десять минут.

Генри с неуклюжей обходительностью помог мне усесться в карету, и все равно, когда я забиралась, то испачкала подол. В экипаже пахло кислым вином, словно кто-то разбил целую бутылку, а в незашторенное окно струилась дождливая прохлада, и я пожалела, что не взяла шаль.

Некоторое время мы в полном молчании тряслись по размытой дороге, но вдруг у Генри вырвался странный смешок. С удивлением я обратилась к попутчику. Он кусал кулак, стараясь подавить приступ хохота, и мне стало не по себе.

— Генри, что вас рассмешило?

— Я много лет мучаюсь вопросом, почему стоит произнести имя Влада Горского, как даже умницы превращаются в безмозглых гусынь?

— Простите?

— Ты так легко поехала со мной, Анна...

Я не успела испугаться и осознать, что происходит, как он выставил ладонь и с силой сдул мне в лицо серебристый порошок. В воздухе закружилось мерцающее на солнце облако, кислый запах усилился. Невольно я вдохнула пыль, в носу запершило, а во рту появился горьковатый привкус. Закашлявшись, я прохрипела:

— Что ты делаешь?

— Избавляюсь от тебя.

Последнее, что я увидела, прежде чем потерять сознание, — стремительно приближавшаяся к носу лавка, отполированная сотнями пассажиров до невероятной гладкости и...

В сознание меня вернула ударившая по глазам вспышка. Застонав, я хотела закрыть ладонью, но не смогла пошевелить руками. Стоило повернуть голову в слабой попытке спрятаться от жалящего света, как тут же виски пронзила яростная боль, точно при чудовищном похмелье. Рядом кружились голоса, и кто-то беспрерывно рыдал за стеной.

— Опять ты этой дрянью товар одурманил, — ворчал незнакомый визгливый голос, принадлежащий то ли мужчине, то ли женщине. — Они потом до утра с кровати подняться не могут, а торги уже начинаются.

— Берешь или нет? — фыркнул Генри.

— Сколько хочешь?

— Семьдесят процентов.

— Совсем охамел, стервец? Если она издохнет на помосте? Сорок и не больше.

— Ладно, все равно случайно подвернулась, — пробухтел Генри. — Только монетами, а не ассигнациями.

— Может, тебе еще на счет в банке положить?

Плохо понимая, что обсуждают люди рядом, я собрала крохи сил и просипела:

— Потушите свет...

— О, глянь-ка, очнулась! — обрадовался мучитель. — Ну-ка, дорогуша, открой глаза. Хочу увидеть их цвет.

Повинуясь приказу, я с трудом разлепила веки. Чужие лица расплывались, к горлу подступала тошнота. Чужие пальцы больно сжали мне подбородок.

— Синеглазая блондинка, — поцокал он языком. — За двадцатку сбудем.

— Может, накинешь еще пятак? — тут же предложил мой похититель.

— Рыло пополам не треснет?

Свет погас, голоса отдалились. Хлопнула дверь, три раза в замке провернулся ключ. В воцарившейся тишине за стеной кто-то беспрерывно рыдал, и под чужой горестный плач ко мне медленно возвращалось сознание. Как всегда, магический дар переборол колдовской дурман в разы быстрее, чем у обычного человека.

Окончательно придя в сознание, я обнаружила себя одетой в одну лишь исподнюю сорочку и лежащей на замусоленных простынях. Следящий кристалл исчез, впрочем, как и обувь. Видимо, тюремщики не ожидали, что я сумею прийти в себя, и меня даже не связали.

Я слезла с кровати, неустойчиво пошатнулась. Переждав несколько секунд, когда приступ утихнет, на цыпочках прошмыгнула к окну, скрытому деревянной решеткой. На улице уже разливались сизые сумерки, в небе проявлялась острая краюха полупрозрачной луны с яркой звездочкой-спутницей.

Створки поддались не сразу, пришлось хорошенько дернуть, и окно отозвалось протяжным обиженным стоном, таким громким, что за стеной утих вой. В зловонную комнатку ворвался поток вечернего холода.

Испугавшись, что выдала себя, я замерла и, переждав некоторое время, подергала решетку с маленьким навесным замком, и от каждого толчка по перекрещенным рейкам пробегали голубоватые искры. Хлипкая с виду решетка оказалась опечатанной заклинанием. Какая предусмотрительность!

И в этот момент раздались тяжелые шаги, под дверью прочертилась полоска яркого света. В замке провернулся ключ, и меня парализовало от страха. В ужасе я смотрела на перешагнувшего через порог бородатого здоровяка с магическим светильником в руке. Его мощная фигура заслоняла собой проем.

— Не попорть товар! — донесся из глубины коридора знакомый голос. Ни жива ни мертва, я следила, как он приближался ко мне.

— Сама пойдешь или связать? — прогудел он.

— Сама... — осознавая, что все равно сбежать прямо сейчас не смогу, а только окажусь избитой, присипела я.

От страха тело стало нечувствительным к холоду, а происходящее казалось дурным сном. Мне с трудом помнилось, как меня впихнули в прокуренное помещение, полное людей. Под свист и пьяное улюлюканье я оказалась стоящей на сколоченном из грубых досок невысоком помосте перед возбужденной толпой. Меня ощупывали жадными взглядами, изучали как скаковую лошадь.

— Начальная ставка, уважаемые сунимы, сто золотых! — объявил носатый карлик в замусоленном кам-

золе, и я узнала голос человека, рассматривавшего меня в грязной каморке.

Толпа взорвалась оглушительным громом голосов.

— Распустите ей волосы! — выкрикнул кто-то.

— Давай, дорогуша, поторопись! — прошипел коротышка.

Едва живая от страха, я подняла дрожащие руки и вытащила шпильки. Тяжелый золотой водопад упал на плечи и скрыл спину до самой поясницы.

— Как видите, сунимы, никакого обмана, никакой магической маски. Перед вами натуральная блондинка! Итак, двадцать золотых, кто больше?

— Тридцать! — выкрикнул кто-то.

— Семьдесят!

— Кто даст сто, сунимы? — Карлик указал в толпу молотком, и я в растерянности проследила взглядом в указанном направлении. Проходящие торги казались мне абсолютно фантастичными, даже не верилось, что подобная нелепица происходила именно со мной. Разве я лошадь или корова?

Вдруг нестати подумалось, что у меня имелась собственная лошадь рыжей масти с белыми чулками. Ее звали Искорка, и я была столь жалкой, что сумела вспомнить об обожаемом питомце, лишь превратившись в живой товар на подпольном аукционе.

— Пусть она снимет исподнее! — выкрикнул кто-то, и я невольно сжала дрожащими пальцами ряд жемчужных пуговичек на груди измусоленной рубашки.

— Снимай! — приказал мне карлик.

— Нет.

— Снимай!!! — прошипел он и, не дождавшись охраны, сам дернул за кружевной подол. Нежная батистовая ткань затрещала. Мигом решив, что подожду только с музыкой, я со всей силы ударила коротышку ногой в живот. С хрюканьем он согнулся пополам и вылутился на меня красными злыми глазами. Толпа зашлась издевательским гоготом.

— Горячая штучка! — заливался кто-то. — Даю сто!

Но не успела «горячая штука» опомниться, как оказалась поваленной на дощатый помост мощной оплеухой от стража. В голове разлетелся на части тугой ком боли, во рту появился привкус крови. Спрятавшись за пеленой волос, я хватала ртом воздух и старалась подавить унижительные рыдания.

Внезапно в помещении началось хаотичное движение. Задние ряды заволновались, взбаламученный народ закрутил головами, а потом толпу накрыл визгливый сигнал свистка стражи, и зал погрузился в хаос.

Пока про меня все забыли, я сползла с помоста, кое-как доковыляла до стены и сжалась в углу комочком, пережидая, когда народ схлынет и у меня появится возможность попросить о помощи и не оказаться растоптанной людьми, похожими на стадо взбешенных баранов. Неожиданно мои плечи накрыли курткой, хранившей тепло ее хозяина. Я подняла голову, рядом со мной на корточках сидел Влад Горский.

— Как вы здесь оказались? — просипела я.

— Это я хотел спросить, как *ты* здесь оказалась? — Сжав мой подбородок, он долго рассматривал синяк

на разбитой, пульсирующей от боли скуле и, наконец, вздохнул: — Вставай.

На ноги я поднялась сама, держась за стену. Влад остановил взгляд на моих грязных ступнях, и вдруг я поймала себя на том, что оттягиваю подол разодранной сорочки, чтобы прикрыть разбитые колени. Последовала странная пауза.

— Как можно было довести... — осекшись, он зло цыкнул, а в следующий момент совершенно неожиданно подхватил меня на руки.

Шокированная *знакомой* близостью крепкого мужского тела, я оцепенела и не могла даже мизинцем пошевелить.

— Обними меня за шею, я не кусаюсь, — вымолвил он, направляясь через полный стражей и плененных аукционеров зал, но я замотала головой.

Выйдя из здания заброшенной мануфактуры, мы оказались на заднем дворе, так ярко озаренном магическими огнями, что казалось, будто снова наступил день. Влад принес меня к карете, помог забраться внутрь, не позволив встать босыми ногами в грязь, взбитую конскими копытами до густого киселя. Расправленные кожаные шторы скрывали салон от чужих любопытных глаз, на оббитом замшей потолке отбрасывал неяркое свечение магический кристалл. Кутаясь в мужскую куртку, я забилась в уголок сиденья.

— Прикройся, — велел Влад, намекая на клетчатый плед, аккуратно сложенный на соседнем сиденье. — Ты почти обнажена.

— Вас это смущает?

— У тебя нет ничего, что я не видел бы раньше.

Он хлопнул дверью кареты и надолго оставил меня самостоятельно переваривать случившееся, но похищение, торги и последующее спасение все равно казались абсолютно нереальными, как будто произошли не со мной.

Через некоторое время Влад вернулся в экипаж и, уткнувшись взглядом в мои голые ноги, категорично швырнул мне на колени плед. От неожиданности я даже вздрогнула и едва успела подхватить колючее покрывало прежде, чем оно соскользнуло на пол.

Горский устроился напротив и прикрикнул кучеру:

— Поехали!

Мы тронулись с места.

— Куда мы? — тихо спросила я.

— В дом к твоему судебному заступнику. Он о тебе позаботится. Я договорился с дознавателями, они сделают вид, что тебя не было в мануфактуре. Шумиха вокруг фамилии Вишневская — ни к чему.

— Вы заплатили деньги?

— Поспи пока. — Он замолчал и вдруг с плохо скрываемым раздражением рявкнул: — И заверни уже ноги в плед, пока не подхватила горловую жабу!¹ Если у тебя не соображает голова, это не значит, что должно страдать тело.

— Что? — с возмущением выдохнула я.

— Зачем ты провоцировала их? Зачем позволила себя ударить?!

¹ Гор л о в а я ж а б а (уст.) — гнойная ангина.

— Мне надо было позволить себя раздеть?

— Полагаешь, что под рубашкой чем-то отличаешься от других женщин или на тебя кинулась бы толпа?

Резко обрывая спор, он закрыл глаза, сложил руки на груди и сделал вид, будто отдыхает, всем своим видом давая понять, что больше не намерен ни говорить со мной, ни даже ругаться.

Долгое время в гробовом молчании мы тряслись в карете. Конские копыта звонко застучали по брусчатке, и стало ясно, что экипаж въехал в городские ворота. Влад открыл глаза, наши взгляды встретились.

— Почему вы злитесь на меня? — тихо произнесла я.

— В нашу последнюю встречу ты сказала, что хочешь забыть обо мне как о страшном сне. — Он усмехнулся. — Видимо, чтобы забыть меня, тебе пришлось стереть абсолютно все воспоминания и здравый смысл вместе с ними. Как ты додумалась поехать с человеком, о котором ничего не знаешь?

— Потому что вы позвали меня, а он — ваш друг!

— Я не звал тебя.

— Нет?

— Зачем бы мне это делать?

— Мы были любовниками, а потом я исчезла, даже не попрощавшись.

— Верно, *были*, — кивнул он. — Не знаю, что ты увидела в своих видениях и что именно додумала, но, поверь мне, ты ошибаешься абсолютно во всем. Наша интрижка закончилась раньше, чем ты потеряла память.

— Я скрывала свой дар ото всех, но вы-то о нем знаете, — отчего-то заспорила я. — Значит, я доверяла вам...

— Ты глухая или глупая? Не слышишь, о чем я говорю, или не понимаешь? — нетерпеливо оборвал он мой невнятный лепет.

Внутри вспыхнуло раздражение.

— Интрижка, глухая, глупая, — зло повторила я. — Вы нарочно используете такие оскорбительные слова?

Некоторое время мы рассматривали друг друга. Понимал ли он, что обидел меня?

— Ты хотела узнать о нас? — Влад изогнул брови. — Между нами случился роман. Я поспорил, что соблазню тебя за месяц, мне удалось это сделать за три седмицы. Я думал, что будет весело, но когда ты влюбилась, стало ужасно скучно.

К горлу подступил тошнотворный комок, я судорожно сглотнула, надеясь, что меня не вывернет прямо на пол кареты.

— Даже твои деньги, Анна, не делали тебя веселее...

— Довольно! — выдохнула я. — Я все поняла!

В салон обрушилось тяжелое молчание. В сущности, я практически не помнила человека, который сидел напротив и безразличным голосом выговаривал мне все эти ужасные вещи, но тогда почему мое сердце было готово взорваться от боли?

Предательские слезы жгли глаза. Мне не удалось сдержать громкого всхлипа, и этот горестный звук повис в густой духоте. Стараясь не смотреть на Влада, я дернула занавеску, и в салон ворвался вихрь ночной

прохлады. От осознания, что по глупости я допекала человека, который уже и думать забыл о моем существовании, становилось мучительно стыдно.

Карета остановилась. Кучер с глухим жмыхом отодвинул заслонку, отделявшую козлы от пассажиров, и оповестил:

— Суним Горский, мы на месте.

— Спасибо, — отозвался Влад и кивнул мне: — Я отнесу тебя...

— Не надо! — Я выставила руку, останавливая его неожиданно светлый порыв. — Я хочу извиниться перед тобой, Владислав.

У того сделалось странное лицо.

— Прости, что свалилась на тебя, как снег на голову, и устроила переполох... — У меня сорвался голос. — Честно говоря, мне больше нечего сказать. Я, наверное, никогда не умела извиняться, да?

Возница открыл дверь, разложил ступеньку. Скинув плед, я осторожно спустилась босыми ногами на ледяную брусчатку. Из дома Кастана, особняка с узкими окнами и эркером в гостиной, к карете бежали слуги. Впереди всех неслась Глэдис.

— Анна... — вдруг позвал Влад. В его лице отражалась необъяснимая растерянность.

— Это так унижительно... — Я с трудом проглотила комок слез, но голос все равно истончился и сломался. — Чувствую себя полной идиоткой!

— Нима Анна, что с вами случилось? — на ходу охала испуганная дуэнья. — Почему вы так одеты? Что происходит?!

Я знала, что он наблюдал за мной из глубины экипажа. Повела плечами, и куртка упала на брусчатку, а мои плечи немедленно прикрыли пледом.

Эта куртка провалялась на дороге всю ночь и исчезла к рассвету. Может быть, ее выбросил дворник, выметавший под светом магического фонаря клочок мостовой перед воротами. Может быть, забрали бродяги. Я долго смотрела из окна второго этажа на эту проклятую куртку, грязную и изъезженную колесами грохотавших экипажей, но все равно не узнала, кому в итоге она досталась.

* * *

В открытые окна моей спальни в доме Кастана Стоммы лилось густое послеполуденное солнце. Сквозняк надувал пузырем легкий белый тюль и приносил в умиротворение теплой комнаты птичье стрекотание.

Сидя перед секретером, я записывала в блокнот едкие фразы. После похищения в голову вообще приходили только нехорошие, злые слова, растекавшиеся по белым листам темными пятнами.

...Ведьма, мошенник, пьяница, ключница, наследная принцесса, король, Владислав Горский...

Последнее имя я написала по инерции и поспешно зачеркнула. Владислав Горский испарился из моей жизни раньше, чем из нее исчезли воспоминания, а значит, пытаться восстановить события, связанные с ним, являлось бессмысленной потерей времени.

— Нима Анна, вы меня слышите? — донесся до меня нетерпеливый голос Глэдис.

— А? — Я вдруг осознала, что некоторое время невидящим взором пялилась на жирно зачеркнутое имя и пририсовывала к нему крылышки с цветочками.

Крылышки? Я это серьезно?

— Суним Стомма просит, чтобы вы спустились к нему в кабинет, — со скорбным выражением на лице объявила дуэнья.

— У тебя такой загробный голос, как будто подлеца Генри нашли мертвым, — не особенно-то удачно пошутила я. Как и следовало ожидать, она не улыбнулась. — Ты меня пугаешь, Глэдис. Почему ты такая серьезная?

— Сейчас сами все увидите, — буркнула она, сложив руки на животе. — И хочу сразу объявить, что это идея сунима судебного заступника. Я не участвовала в этом... непотребном сыр-боре.

Непотребный сыр-бор? Святые Угодники! Если Глэдис начала сыпать такими страшными ругательствами, то дело действительно было серьезным.

Напустив туману, она развернулась на пятках и, отчаянно стуча каблуками по наборному паркету, устремилась вон из комнаты. Заинтригованная до глубины души, я направилась следом.

В кабинет Кастана я вошла по-хозяйски, без стука. Широко открыла дверь, смело шагнула, завернувшись в приветливую улыбку, точно в вуаль, и замерла на пороге, чувствуя, как невольно меняюсь в лице. За длинным столом переговоров сидел Владислав Горский, и

он выглядел гораздо лучше, чем мне запомнился по трем нашим неудачным встречам.

Некоторое время в комнате царила дивная тишина, словно в театре перед самым началом спектакля, когда в зрительном зале уже тушили магические лампы, но еще не успевали открыть занавес.

— Присаживайся, — Кастан, занимавший стратегически удобную позицию в торце переговорного стола, словно мировой судья на заседании, указал на стул напротив Влада.

Я села. Нас разделила полированная гладкая столешница, на которой тут же появлялись следы от пальцев, если руки хоть сколько-то становились влажными, а при взгляде на Влада Горского мои мгновенно вспотели.

— Анна? — с едва заметной улыбкой произнес неожиданный гость и сделал глоток кофею из чашки на тонком блюде.

— Владислав? — Я спрятала руки под стол, чтобы он не заметил нервно обкусанные ногти и расковырянные заусенцы у меня на пальцах. — Что вы забыли в нашем доме? Вы вляпались в неприятности и вам понадобился судебный заступник?

— Я предложил суниму Горскому службу, — ответил хозяин дома.

— Твоим помощником?

— Твоим женихом.

Я поперхнулась.

— Кофею? — видя, как я отчаянно пытаюсь подавить позорный приступ кашля, с любезной улыбкой Влад подвинул в мою сторону чашку.

— Я предпочитаю чай.

— Нет, ты предпочитаешь кенерийский кофе, — все с той же улыбкой поправил он. — Черный, с кардамоном и половинкой ложки коричневого сахара.

Мне даже кашлять расхотелось. Подлец знал обо мне даже такие мелочи! Я уже давно выяснила, что люблю крепкий кенерийский кофе, но вот с приправой никак не могла угадать.

Желание судебного заступника приставить ко мне телохранителя было понятным. Слишком мало я помнила прошлую жизнь, чтобы выглядеть в семейном кругу естественной, и Влад Горский помог бы мне избежать многих досадных промашек. Но ведь речь шла о человеке, седмицу назад заявившем, что в прошлом он еле-еле выносил мое общество. Неужели не нашлось более подходящей кандидатуры?

— Я не согласна, — спокойно заявила я, глядя в глаза бывшего любовника.

— С кофеем? — не понял Кастан.

— С женихом. Ты сам можешь выступить в роли моего жениха.

— Твои родственники слишком хорошо меня знают, а суним Горский, что уж греха таить, лучше всех знает тебя, — пояснил Кастан с непроницаемым лицом. Если с такой же каменной физиономией, словно у него вмиг атрофировались все лицевые мускулы, он выступал в мировом суде, то повешение того бедняги меня не удивляло.

— Я не доверяю ему, — кивнула я в сторону Влада. — Уверена, что он спокойно проследит, как я уто-

ну в Эльбе, вместо того чтобы бросить спасательный круг. По крайней мере, именно так он поступил, когда меня едва не спустили с молотка.

— Анна, ты преувеличиваешь... — начал Кастан.

— Благодарю, суним Стомма, но мне не нужен судебный заступник, — перебил его Влад и обратился ко мне: — Анна, я не собираюсь извиняться за то, что не имею привычки очертя голову кидаться в драку и уж тем более за то, что не соответствую твоим представлениям об идеальном герое. Если бы стражи не успели вовремя, то я бы просто перебил ставку.

— Смотрю, ты много знаешь о торгах и ставках, — сухо заметила я.

— Да.

Я не нашла чем ответить и, положа руку на сердце, сама не понимала, почему из моего рта вылетали все эти злые слова, но в перепалке Влад уложил меня на две лопатки, а сверху прикрыл одеялом, чтобы не высовывалась.

— Не помню, чтобы позволяла называть себя на «ты», — по-детски огрызнулась я.

— Извините, нима Вишневская, — насмешливо скривил он губы. — И коль мы пришли к общему мнению, что моя помощь вам не требуется, не вижу смысла и дальше терять время...

Влад попытался встать из-за стола. Но провал переговоров, видимо, в планы Кастана совершенно не входил, и он поспешил успокоить гостя:

— Пойдите, Владислав! Вы же знаете, что Анна всегда была излишне резка и норовиста.

— Вы говорите обо мне, как о племенной кобыле, — с милой улыбкой встряла я. — В нашу последнюю встречу суним Горский заявил, что я была до отвращения скучна. Впрочем, несмотря на всю мою нудность, физической близостью со мной он не побрезговал.

От изумления Кастан забыл закрыть рот.

— Почему у тебя такое лицо? — развела я руками. — Сомневаюсь, что останусь старой девой из-за потери невинности до свадьбы. Не находишь, что отсутствие девственности с лихвой компенсирует щедрое приданое? Кстати, Владислав, что именно я пообещала тебе за роль жениха?

Передо мной лег контракт, написанный ровным секретарским почерком без излишних вензелей и закорючек. По диагонали просмотрев первые пункты, я обнаружила, что за три месяца жениховства потенциальному нареченному обещалось передать два золотых рудника на юге Алмерии.

— Ого, суним Горский, а у вас неплохие аппетиты, — присвистнула я и уточнила у судебного заступника: — Сколько у меня всего золотых рудников на юге?

— Два, — машинально отозвался тот. — И еще четыре на юго-востоке.

— То есть ты все-таки постеснялся забрать все? — Я глянула на Влада. — Выходит, вопрос был только в деньгах? Два золотых рудника вполне способны сделать меня чуточку забавнее, скажи?

И снова последовала странная пауза.

Не чувствуя никакого удовлетворения за то, что нагородила дерзостей, но никого не задела, я поставила четкую подпись под договором, тюкнула магическую печать, при прикосновении высвечивающую герб семьи, и объявила с ядом в голосе:

— Поздравляю, суним Горский, если вы не удавитесь от скуки в следующие три месяца, то станете крайне богатым человеком.

Пальцем я подтолкнула документ в сторону Влада.

— Святые Угодники, — пробормотал судебный заступник, принявшись обмахиваться своей копией бумаг, — мне даже жутко от того, что я снова увидел прежнюю Анну.

— Я всегда говорила гадости? — удивилась я.

— Ты всегда говорила правду, как бы возмутительно она ни звучала, — поправил меня Влад.

Он потягивал кофей и прятал нахальную ухмылку за тонкой фарфоровой чашкой. В его глазах танцевали веселые бесы.

— Прямо как сейчас, — добавил он через два глотка.

Глава 2

ШКАТУЛКА С СЕКРЕТОМ

«...После несчастья, случившегося с отцом, я уехала на некоторое время из королевства, но не ожидала, что путешествие растянется так надолго. По возвращении беспокоить семью моим внезапным появлением я не ста-

ла и провела несколько дней в доме Кастана Стоммы, но намереваюсь вернуться в родовой особняк...»

Из письма Анны В. к Еве, двадцатисемилетней вдове ее отца, Валентина Вишневого.

Темный гулкий холл родового особняка был завешен десятками таких же темных портретов. Со всех сторон на меня смотрели давно умершие родственники Вишневы, и в каждом лице светился укор за то, что единственная прямая наследница их фамилии наконец забыла свою родословную.

Среди прочих я отыскала седовласого представительного мужчину — моего отца, но уголок золоченой рамы на картине совершенно пошло перетягивала черная лента, дававшая понять, что человек отправился по солнечной дороге на невесомое облако. В нише висел мой собственный портрет, скрытый огромным букетом дурманно пахнущих белых лилий, насколько мне помнилось, считавшихся кладбищенским цветком.

Неожиданно перед мысленным взором промелькнуло короткое воспоминание:

...Худой тип с изъеденным оспой лицом рассматривает экспозицию с таким серьезным видом, будто мы стоим в зале Королевской Алмерийской галереи, а не в старом особняке с текущей крышей и стылыми комнатами.

— Анна, у вас очень красивый дом, — говорит он светским тоном.

— Вы меня убиваете, — закатываю я глаза. — Наш дом похож на завешенный портретами покойников склеп, здесь даже холодно, как в склепе...

— Анна! — мертвую тишину разрезал высокий женский голос. За моей спиной раздался перестук каблучков, и, прежде чем оглянуться, я коротко выдохнула.

Ко мне торопилась темноволосая нима в небесно-голубом узком платье — Ева. По рассказам Глэдис, ее взяли в дом в качестве моей дуэньи, но не прошло и полугода, как с этажа для слуг она спустилась в хозяйскую спальню.

— Здравствуй, Ева, — произнесла я, надеясь, что до потери памяти не называла ее «маменькой».

— Какая радость, что ты вернулась домой! — Она чмокнула воздух рядом с моим ухом. — Как ты могла уехать и ничего не сказать? За столько времени ни одной весточки! Мы боялись, что тебя нет в живых.

— Я заметила, — отозвалась я, намекая на прошение признать меня погибшей.

Незнакомая красивая женщина, пахнувшая похоронными лилиями, вызвала чувство глубокой неприязни. Наверняка причина крылась в нашем общем прошлом, иначе выходила странная вещь, будто мне до нервической почесухи хотелось вцепиться в волосы совершенно незнакомой нимы.

— Все в синей гостиной. Пойдем?

Знать бы еще, где находилась гостиная, почему она — синяя и куда делся Влад? Он пожелал осмотреться, а сам как сквозь землю провалился. Я бросила тоскливый взгляд на распахнутые двери, через которые лакеи заносили пыльные дорожные сундуки.

Если я посчитала холл мрачным, то только потому, что не помнила гостиной, действительно наряжен-

ной в синий цвет. Стены, мебель и ворсистый ковер отливали оттенком предгрозового неба, отчего даже в светлое время суток просторное помещение наполняли хмурые сумерки.

Когда я появилась на пороге, то в мою сторону уставились три пары глаз, а в комнате установилось ошарашенное молчание. Складывалось ощущение, что родственники Вишневские до конца не верили в возвращение наследницы. Мы разглядывали друг друга так, как будто виделись впервые. Впрочем, лично для меня живущие в отцовском доме люди действительно являлись незнакомцами с гравюр.

— Добрый день, — прервала я долгое молчание.

— И впрямь Анна, — протянул господин с редкими седыми волосами, забранными в неряшливый хвост на затылке, и немедленно опрокинул в себя рюмашку аперитива. Дядюшка Уилборт — припомнила я имя.

— Или очень на нее похожа, — усмехнулся высокий худой тип с узкими усиками, придававшими ему хищный вид. — Что же ты встала на пороге, милая кузина?

Нервное лицо мужчины мне было знакомо по многочисленным домашним карточкам, но вот имя, как назло, совершенно выветрилось из головы. Алан, Алик, Ален или как-то еще? Наверное, будет странно, если я начну сыпать официозом и называть родственника, пускай и дальнего, «суним Вишневский». Или у него и фамилия другая? Глэдис говорила, что он приехал из глубокой провинции лет пять назад и помогал отцу с делами.

На диване восседала тетка Клотильда, худосочная бледная женщина с такой идеальной осанкой, словно под платьем у нее, как у гимназистки, была засунута линейка. Меня она встретила величественным кивком головы.

Чувствуя себя не в своей тарелке, я опустилась в большое кресло, устеленное плоской, как блин, подушечкой. Продавленное сиденье немедленно отозвалось возмущенным скрипом, в ногу впиалась пружина, а на лицах родственников появилось такое выражение, будто на их глазах было совершено святотатство.

Я с недоумением изогнула брови.

— Ты села на кресло своего отца, — сдавленным голосом пробормотала Ева.

Знала бы, что плюхнись в святое место, осталась бы стоять! Точно ужаленная пружиной, я вскочила с кресла и пристроилась на краешек дивана рядом с Клотильдой. Какие у нас были отношения?

— С манерами у тебя все так же туго, — пробормотала тетка и, подхватив трость с костяной крючковой ручкой, величественно поднялась. — Пойду подгоню этого нового повара, иначе, пока он будет варганить свои бершамели, Уилборт не сможет ни лыка связать, ни сбершамелить.

Дядюшка немедленно поперхнулся очередной рюмкой аперитива и, я могла поспорить, едва слышно пробормотал под нос:

— Злобная ключница!

Неожиданно она остановилась в дверях и бросила через плечо: